ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА НЕЗАКОННЫМИ АКТАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Чорновол Е. П.

кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры частного права Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, echornovol@mail.ru

УДК 347.512.5
ББК 67.404.219

В статье характеризуется модель обязательств, возникающих вследствие причинения вреда незаконными актами публичной власти, обусловливающая с учетом своеобразия реализации гражданской правосубъектности публично-правовых образований и видом судопроизводства по данной категории дел участие в этих правоотношениях, помимо кредитора и должника, других лиц.

Ключевые слова: незаконные акты публичной власти, модель обязательств из причинения вреда, Россия, субъекты РФ, муниципальные образования, стороны обязательств, непосредственный причинитель вреда, представитель должника в суде, исполнитель обязанности должника.

FEATURES OF THE COMMITMENT MODEL DUE TO HARM BY ILLEGAL ACTS OF PUBLIC AUTHORITY

Chornovol E. P.

candidate of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, professor of the Department of Private Law of the Ural Institute of Management – Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66, echornovol@mail.ru

The article characterizes the model of obligations arising from the infliction of harm by illegal acts of public authority, which, taking into account the specificity of the implementation of civil legal personality of public legal entities and the type of legal proceedings in this category of cases, participate in these legal relations other than the creditor and the debtor.

Key words: illegal acts of public authority, model of obligations for causing harm, Russia, constituent entities of the Russian Federation, municipalities, parties to obligations, direct harm, representative of the debtor in court, executor of the obligation of the debtor.

© Чорновол Е. П., 2018

Нормы ст. 13, 16, 1069 ГК РФ и ст. 1070 ГК РФ, которая является специальной по отношению к ст. 1069 ГК РФ [1, с. 258], во взаимосвязи со ст. 151, 1099 ГК РФ, п. 2, 2.1, 3 ст. 133, 136, 139 УПК РФ закрепляют исключительную правовую модель обязательств из причинения вреда. Вред, причиненный физическому или юридическому лицу незаконными деяниями органов государственной власти и местного самоуправления или должностными лицами этих органов, возмещается либо компенсируется Россией, субъектами РФ

и муниципальными образованиями. Ее формирование предопределено особенностями гражданской правосубъектности России, субъектов РФ и муниципальных образований (ст. 124 ГК РФ) [2] и способами ее реализации (ст. 125 ГК РФ) [3], а также видом судопроизводства по удовлетворению требований потерпевших.

Подобное решение проблемы имеет глубокое социальное и политико-правовое содержание, базирующееся на положении ст. 53 Конституции РФ, и является обоснованным, поскольку причинение вреда указанными лицами сопряжено с реализацией ими публичной власти. Но оно не согласуется с нормой ст. 123.22 ГК РФ, предусматривающей лишь субсидиарную ответственность собственника имущества учреждения по обязательствам последнего, в форме которых, как правило, функционируют органы государственной власти и местного самоуправления. Поэтому представляется необходимым ст. 123.22 ГК РФ дополнить пунктом 7 следующего содержания: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими законами, по обязательствам государственных или муниципальных учреждений отвечает собственник его имущества», а ее пункты 7 и 8 считать соответственно 8 и 9 пунктами.

Сообразно приведенной модели в рассматриваемых обязательствах, помимо сторон (кредитора и должника), фигурируют и другие лица. К таковым при причинении незаконными актами публичной власти имущественного вреда в обязательствах, возникающих на основании ст. 13, 16, 1069, п. 2 ст. 170 ГК РФ, ч. 5 ст. 133 УПК РФ, а также при причинении морального вреда в обязательствах, формирующихся в порядке норм ст. 13, 16, 1069, ст. 170 ГК РФ, ч. 2, 2.1, 3, 5 ст. 133, 136 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 151, 1099 ГК РФ, относятся: 1) непосредственный причинитель вреда; 2) представитель должника в суде; 3) лицо, исполняющее обязанность должника соответственно по возмещению имущественного и/или компенсации морального вреда. Аналогичная конфигурация лиц формируется и применительно к обязательствам вследствие нарушение права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок (ст. 1 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [4] (далее – Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ). Вместе с тем в обязательствах вследствие причинения имущественного вреда незаконными актами судебно-следственных органов, возникающих в силу п. 1 ст. 1070 ГК РФ и ч. 2, 2.1, 3 ст. 133, 139 УПК РФ, и возмещения имущественного вреда, причиненного вследствие незаконного взыскания налоговыми органами налогов, авансовых платежей, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов, путем возврата, формирующихся в порядке ст. 79 НК РФ, помимо сторон, фигурируют соответственно: 1) непосредственный причинитель вреда и 2) лицо, исполняющее обязанность должника; лицо, исполняющее обязанность должника.

Приведенная модель, тем не менее, не влияет на структуру названных обязательств, которая отражает строение «взаимосвязанных субъективных прав и юридических обязанностей» или способов «взаимосвязи субъективных прав и субъективных обязанностей» [5, с. 23] их участников. Она остается неизменной – простой[6, с. 124], т.к. предполагает наличие одного права и одной обязанности соответственно на стороне кредитора (потерпевшего) и должника (ответственного за причинение вреда). Следовательно, участие в обязательствах из причинения вреда незаконными актами публичной власти, как и в иных деликтных обязательствах, других лиц, вопреки утверждению Т. И. Илларионовой [7, с. 73–81], обусловлены не структурой их содержания, а моделями соответствующих правовых связей, закрепленных в нормах права, на основании которых они возникают. Вместе с тем, в пределах единого типа гражданско-правовых связей конкретный круг таких лиц предопределяется особенностями реализации гражданской правосубъектности их сторонами, а также видом судебного производства по данной категории дел. Следует однако иметь ввиду то обстоятельство, что субъекты Российской Федерации и муниципальные образования должниками обязательств, возникающих на основании соответственно ст. 1070 ГК РФ и ст. 151, 1099, 1070 ГК РФ, могут быть лишь потенциально, поскольку согласно п. 1 ст. 1070 ГК вред, причиненный перечисленными в нем незаконными действиями, возмещается за счет казны России, и лишь в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъектов РФ или муниципальных образований [8]. В связи с тем, что к настоящему времени подобные случаи законом не определены, указанные субъекты de facto не могут выступать должниками обязательств по возмещению и/или компенсации вреда, возникающих в порядке этих норм права.

Кредитором указанных обязательств являются физические и юридические лица, незаконным актом публичной власти которым причинен имущественный или моральный вред. Их характеристика в целом совпадает со статусом кредитора вообще в обязательствах вследствие причинения вред. Вместе с тем применительно к обязательствам из причинения вреда незаконными актами судебно-следственных органов их личность в определенной мере конкретизируется.

Исходя из предписаний ч. 2, 2.1, 3 ст. 133 УПК РФ, Пленум Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации,

регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [9] отмечает, что «На досудебных стадиях к таким лицам относятся подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части 1 статьи 24 УПК РФ (отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления; отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью 4 статьи 20 УПК РФ; отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 части 1 статьи 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3–5 части 1 статьи 448 УПК РФ) или пунктами 1 и 4–6 части 1 статьи 27 УПК РФ (например, непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления; наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела).

Применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства к лицам, имеющим право на реабилитацию, соответственно относятся: подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор; подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения и (или) по иным реабилитирующим основаниям; осужденный – в случаях полной или частичной отмены обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части 1 статьи 27 УПК РФ.

Право на реабилитацию имеет также лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры» (п. 2).

С учетом положений ст. 53 Конституции РФ Пленум Верховного Суда РФ вполне обоснованно констатировал, что право на реабилитацию имеет не только лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 133 УПК РФ, по делу в целом, но и лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по указанным основаниям по части предъявленного ему самостоятельного обвинения (например, при прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, при обвинении в убийстве и краже) (п. 3).

В течение сроков исковой давности, установленных ГК РФ, со дня получения копии документов о признании за потерпевшим права на реабилитацию, он (его представитель) вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор, вынесший постановление, определение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования, либо в суд по месту жительства реабилитированного, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. Если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор, либо в суд по месту жительства реабилитированного. В месячный срок судья определяет размер подлежащего возмещению вреда и выносит постановление о производстве выплат. Требование о возмещении имущественного вреда потерпевшему, равно как и о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, разрешается судьей в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2,3, 4, 5 ст. 135, 138 УПК РФ). Право требовать возмещения имущественного вреда, причиненного реабилитированному, в случае его смерти имеют его наследники.

Статья 139 УПК РФ к потерпевшим относить также юридические лица, имущественный вред которым причинен незаконными действиями (бездействием) судебно-следственных органов либо их должностных лиц, подлежащий возмещению «государством в полном объеме в порядке и сроки, которые установлены настоящей главой». Из этого следует, что требование о возмещении имущественного вреда юридическим лицам, подобно тому, как и гражданам-потерпевшим, разрешается в уголовном судопроизводстве по правилам ст. 399 УПК РФ для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, безотносительно к характеру вредоносного деяния.

Между тем согласно п. 1 ст. 1070 ГК РФ вред юридическому лицу возмещается за счет казны соответствующего публичного образования независимо от вины судебно-следственных органов (их должностных

лиц), если он причинен лишь в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления его деятельности. В силу же п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных п. 1 этой статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 ГК РФ, т.е. при наличии вины причинителя и в гражданском судопроизводстве. На это применительно к физическим лицам обратил внимание Верховный суда РФ в п. 7 постановления Пленум от 29.11.2011 №17: «Лица, не имеющие права на реабилитацию и на возмещение вреда на основании части 3 статьи 133 УПК РФ, в случае причинения им вреда дознавателем, следователем, прокурором или судом в соответствии с частью 5 статьи 133 УПК РФ имеют право на его возмещение в порядке гражданского судопроизводства…». Следовательно, норма ст. 139 УПК РФ, с одной стороны, вопреки предписаниям п. 1 ст. 1070 ГК РФ, охватывает все случаи причинения судебно-следственными органами (их должностными лицами) вреда юридическим лицам безотносительно к характеру вредоносного деяния, а, с другой стороны, невзирая на указания п. 2 ст. 1070 ГК и ч. 5 ст. 133 УПК РФ, распространяет на них уголовное судопроизводство. Поэтому подобная коллизия приведенных норм нуждается в легальном разрешении.

Непосредственным причинителем вреда применительно к рассматриваемым обязательствам выступают органы государственной власти и местного самоуправления либо их должностные лица.

Однако неопределенность решения вопроса о категории «государственный орган» в Конституции РФ и использование его в ГК РФ не способствует формированию единого мнения ученых об их личности. Некоторые авторы считают, что таковыми являются не только органы власти, но любые государственные органы [10, с. 58], с чем вряд ли можно согласиться. Как отмечает А. Л. Маковский, в ст. 13, 16, 1069, 1070 ГК РФ законодатель имеет в виду «орган государства, наделенный властными полномочиями, т.е. по существу именно орган государственной власти» [11, с. 102].

Государственная власть в России реализуется системой законодательных, исполнительных, судебных и специальных органов государственной власти – ст. 10, 11, п. 2 ст. 75, п. 5 ст. 101, ст. 129 Конституции РФ. В субъектах РФ власть осуществляют органы государственной власти, система которых устанавливается ими согласно Федеральному закону от 06.10.1999 №184 «Об общих принципах организации законодательных представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [12] (ст. 2). Органы местного самоуправления формируются в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [13] (глава 6). Исходя из правоположений данных нормативно-правовых актов, можно сделать вывод о том, что непосредственным причинителем вреда в ракурсе исследуемых обязательств выступают представительные, исполнительные, судебные и иные органы государственной и муниципальной власти. Вместе с тем, в качестве непосредственных причинителей вреда здесь могут выступать социальные образования, не являющиеся органами государственной власти и местного самоуправления, но наделенные властными полномочиями [14], например, квалификационные коллегии судей, призывные комиссии, государственные корпорации (Росатом, Роскосмос и др.) и т.д. На это указывает Верховный Суд РФ в п. 2 постановления Пленума от 27.09.2016 №36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [15], в частности, к таковым, по его мнению, относятся некоммерческие организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе саморегулируемые организации субъектов профессиональной деятельности, если совершаемые ими решения, действия (бездействие) являются результатом осуществления (неосуществления) указанных полномочий. В то же время ст. 1070 ГК РФ закрепила закрытый перечень органов, выступающих непосредственными причинителями вреда, – органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, – личность которых определяется правовыми актами об этих органах (о прокуратуре, суде и УПК РФ).

Относительно категории должностного лица в смысле ст. 13, 16, 1069, 1070 ГК РФ И. Ш. Файзутдинов полагает, что можно использовать его дефиницию, закрепленную в примечании к ст. 285 УК РФ [16, с. 381]. М. Н. Малеина, исходя из анализа названной уголовно-правовой нормы, пишет: «Это определение должностного лица можно использовать и в гражданском обязательстве» [17, с. 881]. Однако с подобными суждениями нельзя согласиться.

Согласно примечанию к ст. 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет

акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Как видно, в определение названного понятия здесь положены более широкие основания (и по кругу лиц, и по характеру их деятельности), чем в гражданско-правовом институте предупреждения причинения, возмещения и компенсации вреда. Еще более широкое определение должностного лица представлено в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ. Между тем Гражданский кодекс России в качестве таковых подразумевает лишь определенную категорию должностных лиц – представителей власти. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» [18] к ним следует относит лиц, «осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчиненности…». Характеризуя содержание данных функций, законодатель отождествляет их с распорядительными полномочиями, констатируя в примечании к ст. 318 УК РФ и ст. 2.4 КоАП РФ, что представитель власти наделен в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Между тем к должностным лицам в ракурсе ст. 1070 ГК РФ относятся конкретные представители органов власти – дознаватели, следователи, судьи и прокуроры, причем только тех из них, в производстве которых находятся уголовные, гражданские или административные дела.

Россия, субъекты РФ и муниципальные образования, являясь должником рассматриваемых обязательств, возмещение и/или компенсацию вреда потерпевшему возлагают на свои финансовые органы (ст. 1071 ГК РФ), если она не возложена на иных лиц (п. 3 ст. 125 ГК РФ). Но длительное время суды таковыми признавали МВД России, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Генеральную прокуратуру РФ [19]. Различные мнения на этот счет высказаны и в цивилистике [20, с. 32–37]. Это связано, во-первых, с неполнотой норм ГК РФ о гражданской ответственности публично-правовых образований. Так, ст. 13 ГК РФ не определяет ни субъекта ответственности, ни источник возмещения вреда, она лишь гласит о том, что в случае признания судом недействительными ненормативных или нормативных актов государственного органа или органа местного самоуправления, нарушающих гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, нарушенное право подлежит восстановлению либо защите способами, предусмотренными законом. Статья 16 ГК РФ, в отличие от ст. 1069 и 1070 ГК РФ, определяет лишь субъекта ответственности и не называет источник возмещения вреда. Видимо, поэтому К. Б. Ярошенко считает, что эта норма охватывает два возможных варианта: прямую и дополнительную ответственность публично-правовых образований [21, с. 81]. Во-вторых, не всегда единообразно этот вопрос решается федеральными законами, определяющими статус тех или иных органов государственной власти. В одних сказано, что возмещение вреда осуществляется за счет соответствующего бюджета (казны) (ч. 2 ст. 66 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [22]), другие указывают, что ответственность за причинение вреда незаконными актами власти несут государственные органы и органы местного самоуправления, но за счет соответствующего бюджета (п. 1 ст. 35 НК РФ), третьи отсылают к законодательству, в том числе гражданскому (п. 1 ст. 22 Федерального закона от Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [23], ч. 3 ст. 33 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [24]), четвертые предписывают соответствующим должностным лицам принять меры для возмещения вреда, причиненного неправомерными актами власти (ч. 6 ст. 6 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [25]). Вместе с тем многие правовые акты вообще не содержат на этот счет каких-либо предписаний (о статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания России, конституционном суде, верховном суде, правительстве страны, прокуратуре, следственном комитете). В силу этого Т. Е. Абова полагает, что ответчиком в данном случае «является не Россия, субъект РФ или муниципальное образование, а соответствующие государственные органы и органы местного самоуправления, незаконными действиями (бездействием) которых причинен ущерб гражданам или юридическим лицам» [26, с. 22], с чем трудно согласиться. Вместе с тем ошибочным представляется утверждение С. А. Степанова о том, что «Особенности данного вида обязательств (возникающего в порядке ст. 1070 ГК РФ – *Е. Ч.*) обусловлены особыми субъектами ответственности – ими являются органы публичной власти или обладающие властными полномочиями должностные лица этих органов» [27, с. 516]. В-третьих, отсутствием до недавнего времени

механизма исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства публичных образований.

Согласно ст. 53 Конституции РФ и ст. 13, 16, 1069, 1070 ГК РФ, гл. 18 УПК РФ публично-правовые образования несут прямую ответственность за вред, причиненный физическим и юридическим лицам незаконными актами органов власти и должностных лиц этих органов. При этом, вопреки утверждению отдельных авторов, никаких «процессуальных ответчиков», отличных от таковых в материально-правовом смысле, равно как и надлежащих ответчиков от лица государства (Казначейство России [28], Минфин РФ, финуправления субъектов РФ, финотделы муниципальных образований [17, с. 882]), не существует. Неуместным в этой связи является также указание Верховного Суда РФ в п. 14 постановления Пленума от 29.11.2011 №17 о том, что «К участию в делах по требованиям реабилитированных о возмещении имущественного вреда в качестве ответчика от имени казны Российской Федерации привлекается Министерство финансов Российской Федерации. Интересы Министерства финансов Российской Федерации в судах представляют по доверенности (с правом передоверия) управления Федерального казначейства по субъектам Российской Федерации». Государственные и муниципальные учреждения, в организационно-правовой форме которых, как правило, функционируют органы государственной власти и органы местного самоуправления, не отвечают по обязательствам собственников своего имущества, т.е. публично-правовых образований. Непосредственная же ответственность публично-правовых образований по деликтным обязательствам может иметь место лишь тогда и поскольку, когда и поскольку вред причинен при осуществлении ими хозяйственно-технической деятельности (ст. 1068 ГК РФ), а не в процессе реализации публичной власти. При недостаточности у них имущества, на которое в соответствии с законом может быть обращено взыскание, субсидиарную ответственность несут публично-правовые образования в порядке ст. 123.22 ГК РФ.

В силу иммунитета бюджетов (ст. 239 БК РФ) обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы России, в томи числе в порядке ст. 13, 16, 1069, 1070 ГК РФ, главы 18 УПК РФ, ст. 1 Федерального закона от 30.04.2010 №68-ФЗ осуществляется только на основании решения суда (на что следовало бы указать и в ст. 1071 ГК РФ), принимаемого в порядке гражданского, арбитражного, уголовного или административного судопроизводства. При этом никакого претензионного (досудебного) порядка урегулирования спора о взыскании вреда, причиненного незаконными деяниями органов государственной власти и местного самоуправления или их должностных лиц, в том числе с участием предпринимательских структур, вопреки утверждению отдельных юристов [29, с. 88], здесь не существует. Абзац 1 ч. 5 ст. 4 АПК РФ (в ред. от 01.07.2017 №147-ФЗ) о таковом ведет речь лишь применительно к гражданско-правовым спорам «о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения».

Представителями публично-правовых образований в суде по указанной категории дел в настоящее время согласно подп. 1 п. 3 ст. 158 БК являются по ведомственной принадлежности главные распорядители средств федерального бюджета, бюджета субъектов РФ и бюджета муниципальных образований. Между тем подп. 1, 2, 3 ч. 9 ст. 3 Федерального закона от 30.04.2010 №68-ФЗ в качестве таковых называет иных лиц. В силу указанной нормы при рассмотрении судом заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, уголовное судопроизводство в разумный срок в досудебном производстве, исполнение в разумный срок судебного акта по иску к публично-правовым образованиям о возмещении вреда, причиненного физическому или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или их должностных лиц интересы России либо России, субъектов РФ, муниципального образования соответственно представляет Минфин РФ, Минфин РФ и главный распорядитель средств федерального бюджета, соответствующий финансовый орган. Однако это не только не согласуется с названной выше нормой бюджетного права, но и не соответствует п. 1 ст. 5 Федерального закона от 30.04.2010 №68-ФЗ, ч. 4 ст. 229.9 АПК РФ, ч. 3 ст. 259 КАС РФ, согласно которым судебное решение о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок исполняется в порядке, «установленном бюджетным законодательством Российской Федерации». В контексте изложенного вызывает недоумение также позиция Верховного Суда РФ, который в п. 14 постановления Пленума от 29.11.2011 №17 указал, что «К участию в делах по требованиям реабилитированных о возмещении имущественного вреда в качестве ответчика от имени казны Российской Федерации привлекается Министерство финансов Российской Федерации. Интересы Министерства финансов Российской Федерации в судах представляют по доверенности (с правом передоверия) управления Федерального казначейства по субъектам Российской Федерации».

По правилам ст. 242.2 БК РФ, п. ст. 5 Федерального закона от 30.04.2010 №68-ФЗ исполнение обязанности по возмещению и/или компенсации вреда на основании судебных актов по искам к публично-правовым образованиям о возмещении вреда, причиненного

незаконными действиями (бездействием) государственных органов и органов муниципальных образований или их должностных лиц, в том числе в результате издания актов, не соответствующих закону или иному нормативному правовому акту, а также судебных актов по иным искам о взыскании денежных средств за счет их казны (за исключением судебных актов о взыскании денежных средств в порядке субсидиарной ответственности главных распорядителей средств соответствующего бюджета), судебных актов о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок осуществляется Министерством финансов России, финансовыми органами субъектов РФ и муниципальных образований, которое должно быть произведено в течение трех месяцев со дня поступления на исполнение исполнительного листа.

В связи этим из постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 22.06.2006 №23 (ред. от 26.02.2009) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» [30] необходимо исключить п. 3, согласно которому в силу п. 4 ст. 69 ФЗ от 02.10.2007 №229 «Об исполнительном производстве» [31] исполнительный лист о взыскании денежных средств с публично-правового образования может быть предъявлен взыскателем для принудительного исполнения судебному приставу-исполнителю в случае, если исполнение решения суда не было произведено за счет средств соответствующего бюджета в связи с отсутствием денежных средств, достаточных для удовлетворения требований взыскателя, ибо в соответствии с п. 1, 3, 4 ст. 242.2 БК РФ главный распорядитель средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, бюджета муниципального образования должны направить соответствующие документы для исполнения в Министерство финансов РФ, в финансовый орган субъекта РФ, в финансовый орган муниципального образования. Исполнение судебных актов согласно п. 5 ст. 242.2 БК РФ осуществляется за счет ассигнований, предусмотренных на эти цели законом (решением) о бюджете. При исполнении судебных актов в объемах, превышающих ассигнования, утвержденные законом (решением) о бюджете на эти цели, вносятся соответствующие изменения в сводную бюджетную роспись.

В ракурсе изложенного нельзя не обратить внимание на положения нормы ст. 79 НК РФ. С одной стороны, вопреки предписаниям ст. 239 БК РФ она допускает возмещение имущественного вреда, причиненного вследствие незаконного взыскания налоговыми органами налогов, авансовых платежей, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов, путем возврата соответствующих сумм вне судебной процедуры. Ибо решение о возврате излишне взысканных сумм и начисленных на них процентов по ставке равной действовавшей в эти дни ставке рефинансирования ЦБ России (со дня, следующего за днем взыскания, по день фактического возврата) принимается налоговым органом в 10-тидневный срок со дня получения письменного заявления об этом налогоплательщика, которое может быть подано в течение трех лет со дня, когда налогоплательщику стало известно об этом. С другой стороны, игнорируя указания ст. 242.2 БК РФ, налоговый орган, минуя Минфин РФ, напрямую дает поручение территориальному органу Федерального казначейства об осуществлении возврата налогоплательщику указанных сумм в соответствии с бюджетным законодательством России. Эти обстоятельства способствуют формированию здесь коррупциогенных факторов расходования бюджетных средств бюджетной системы России, поэтому нормы ст. 79 НК РФ необходимо привести в соответствие с положениями Главы 24.1 БК РФ.

Россия, субъекты РФ и муниципальные образования, возместив или компенсировав на основании ст. 1069, 1070 ГК РФ и решений Европейского Суда по правам человека согласно п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ имеют право регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение или компенсация (к судье, если его вина установлена приговором суда, вступившим в законную силу – п. 3 ст. 1081 ГК РФ) в размере выплаченного возмещения и/или компенсации, если иной размер не установлен законом. В силу п. 3.2. ст. 158 БК РФ (в ред. от 04.06.2018 №142-ФЗ) правом предъявления регрессных требований к непосредственным причинителям вреда – должностным лицам в настоящее время обладают главные распорядители бюджетных средств.

Литература:

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй: (постатейный) / Под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. М., 2004.
2. *Кутафин О. Е.* Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права // Журнал российского права. 2007. №1.

References:

1. Comment to the Civil Code of the Russian Federation part two: (article by article) / Ed. Abovoy, A. Yu. Kabalkin. M., 2004.
2. *Kutafin O. E.* Russian Federation, its subjects and municipalities as subjects of civil law // Journal of Russian law. 2007. №1.

Литература:

3. *Чурилов А. Ю.* Анализ моделей воздействия третьего лица на динамику гражданско-правового обязательства по российскому праву // Юридические исследования. 2017. № 5. С. 63–70.
4. Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144; 2016. № 52 (ч. 5). Ст. 7499.
5. *Яковлев В. Ф.* Структура гражданских правоотношений // Гражданские правоотношения и их структурные особенности. Сб. научн. тр., вып. 39. Свердловск: СЮИ, 1975.
6. Гражданское право: В 4 т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2004.
7. *Илларионова Т. И.* Структурные особенности некоторых деликтных обязательств // Гражданские правоотношения и их структурные особенности. Сб. научн. тр., вып. 39. Свердловск: СЮИ, 1975.
8. Определение СК Верховного Суда РФ № 2-Д96-18 по делу Киселева и Ноженко: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1997 г. (по уголовным делам): утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 14.05.1997 // БВС РФ. 1997. № 8.
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.
10. Комментарий к части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации для предпринимателей / под ред. М. И. Брагинского. М., 1995.
11. *Маковский А. Л.* Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. Сб. памяти С. А. Хохлова. М., 1998.
12. Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2018. № 32 (ч. 2). Ст. 5133.
13. Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2018. № 9. Ст. 1274.
14. *Чиркин В. Е.* Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7.
15. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11.
16. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / под. ред. О. Н. Садиков. М.,1997.
17. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / Отв. ред. В. П. Мозолин. М.: Проспект, 2015.
18. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.
19. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 10; 2001. № 12; 2002. № 7.
20. *Конюхова Т. В.* К вопросу об исполнении судебных решений по искам к Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 8.
21. Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М., 1999.

References:

3. *Churilov A. Yu.* Analysis of models of the impact of a third party on the dynamics of civil law obligations under Russian law // Legal Studies. 2017. № 5. P. 63–70.
4. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2010. № 18. Art. 2144; 2016. № 52 (Part 5). Art. 7499.
5. *Yakovlev V. F.* The structure of civil relations // Civil relations and their structural features. Sat scientific Tr., issue. 39. Sverdlovsk: SUI, 1975.
6. Civil law: In 4 tons. Volume I. General part: Textbook / Ed. ed. prof. E. A. Sukhanov. M.: Volters Kluver, 2004.
7. *Illarionov T. I.* Structural features of some tort obligations // Civil legal relations and their structural features. Sat scientific Tr., issue. 39. Sverdlovsk: SUI, 1975.
8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation № 2-D96-18 in the case of Kiselev and Nozhenko: Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 1997 (in criminal cases): approved. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 14 May 1997 // BVS RF. 1997. № 8..
9. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 1.
10. Comment to the first part of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs / ed. M. I. Braginsky. M., 1995.
11. *Makovsky A. L.* Civil liability of the state for acts of power // Civil Code of Russia. Problems. Theory. Practice. Sat in memory of S. A. Khokhlov. M., 1998.
12. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1999. № 42. Art. 5005; 2018. № 32 (P. 2). Art. 5133.
13. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822; 2018. № 9. Art. 1274.
14. *Chirkin V. E.* Public power in modern society // Journal of Russian law. 2009. № 7.
15. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 11.
16. Comment to the Civil Code of the Russian Federation of the second (itemized) / under. ed. H. E. Sadikov. M., 1997.
17. Civil law: a textbook: in 3 tons. V. 2 / Ed. ed. V. P. Mozolin. M .: Prospect, 2015.
18. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2000. № 4.
19. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1996. № 10; 2001. № 12; 2002. № 7.
20. *Konyukhova T. V.* On the issue of execution of court decisions on claims to the Russian Federation // Journal of Russian law. 2005. № 8.
21. Scientific and practical commentary on the first part of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs. M., 1999.

Литература:

22. Собрание законодательства РФ. 2015. №29 (ч. 1). Ст. 4344; 2018. №27. Ст. 3954.
23. Собрание законодательства РФ. 2008. №52 (ч. 1). Ст. 6249; 2018. №18. Ст. 2564.
24. Собрание законодательства РФ. 2011. №7. Ст. 900; 2018. №32 (ч. 2). Ст. 5125.
25. Собрание законодательства РФ. 1995. №15. Ст. 1269; 2018. №11. Ст. 1591.
26. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой: в 3 т. / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт-Издат, 2007. Т. 1.
27. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. М.: Статут, 2017.
28. *Капинус Н. И.* Возмещение (компенсация) вреда, причиненного незаконным применением меры пресечения к обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. №6.
29. *Камаева А. В., Морозова М. В., Новоселова К. А.* Некоторые аспекты внедоговорной ответственности публично-правовых образований вследствие причинения вреда // Марийский юридический вестник. 2016. №3 (18).
30. Вестник ВАС РФ. 2006. №8.
31. Собрание законодательства РФ. 2007. №41. Ст. 4849.

References:

22. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2015. №29 (P. 1). Art. 4344; 2018. №27. Art. 3954.
23. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008. №52 (P. 1). Art. 6249; 2018. №18. Art. 2564.
24. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2011. №7. Art. 900; 2018. №32 (P. 2). Art. 5125.
25. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1995. №15. Art. 1269; 2018. №11. Art. 1591.
26. Comment to the Civil Code of the Russian Federation of the first part: in 3 tons / ed. T.E. Abova, A.Yu. Kabalkina. M .: Yurayt-Izdat, 2007. V. 1..
27. Civil law: Textbook. In 2 t. / Ed. B.M. Gongalo. T. 2. M .: Statute, 2017.
28. *Kapinus N. I.* Compensation (compensation) of harm caused by the illegal application of a preventive measure to the accused or suspected of committing a crime // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2008. №6.
29. *Kamaeva A. V., Morozova M. V., Novoselova K. A.* Some aspects of the non-contractual liability of public legal entities as a result of causing harm // Mari Law Journal. 2016. №3 (18).
30. Bulletin YOU RF. 2006. №8.
31. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2007. №41. Art. 4849.